

СОПРОТИВЛЕНИЕ ЗАКРЫТИЮ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ НА ТЕРРИТОРИИ БССР В КОНЦЕ 1950-х – 1970-е гг.

Мандрик С. В.

*(Минск, Белорусский государственный
аграрный технический университет),*

Горанский А. О.

(Минск, Минское духовное училище)

Одним из направлений развернувшейся в СССР в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. антирелигиозной кампании было закрытие под разными предлогами большого количества храмов Русской Православной Церкви. Только за период 1960-64 гг. в БССР было закрыто – 508 храмов, (их количество уменьшилось с 947 в 1960 г. до 439 в 1964, что составляет 46% от количества действующих церквей на начало 1960 г. [1]. Всего же за период с 1960 г. до прекращения закрытия храмов в середине 1970-х гг. в БССР было снято с регистрации 748 приходов [2], что в пропорциональном отношении больше, чем в других республиках СССР. По количеству закрытых храмов на одного жителя БССР находилась на первом месте среди союзных республик.

Как и в 30-е гг., начали возвращаться к практике уничтожения закрытых храмов с помощью динамита. Многие из них столетиями украшали белорусскую землю, являлись шедеврами архитектуры. Уполномоченный Совета по БССР Г. Ковалев, инструктируя уполномоченного по Витебской области, чтобы от верующих в деревне Гнездиловичи не поступало больше заявлений о регистрации им другого священника рекомендовал: «Если церковное здание сохраняет внешний церковный вид, то будет бесконечно будоражить верующих, так делать нельзя. Поскольку церковь деревянная ее нужно разобрать, а материал использовать для строительства школы, библиотеки и других культурно-просветительных учреждений» [3]. В 1961 г. по личному поручению председателя горисполкома в г. Витебске была взорвана Благовещенская церковь, один из старейших храмов Белоруссии (построенный в XII в.). Такая же судьба была у Свято-Вознесенской церкви в городе Лиозно, и у многих других храмов в республике [4].

Несмотря на трудные условия, в которых проходила церковная жизнь

в БССР, верующие и духовенство оказывали сопротивление политике государственных органов по закрытию храмов. Это сопротивление реализовывалось двумя способами: а) письменным и устным выражением недовольства действиями государственных органов по закрытию храмов, просьбами и ходатайствами об открытии закрытых и снятых с регистрации храмов и о строительстве или аренде молитвенных домов и б) отстаивание действующих храмов, которым грозило закрытие и активный протест уже после закрытия храмов.

В период кампании массового закрытия храмов первой половины 1960-х гг. верующие и духовенство обращались в Патриархию, в Совет по делам Русской Православной Церкви (СДРПЦ), в Совет Министров БССР и СССР, в ЦК КПСС, правоохранительные органы с выражением возмущения действиями государственных органов и просьбами защитить церковь от произвола. Например, от жителей города Минска на имя Н. Хрущёва было направлено письмо, в котором говорилось: «Мы, белорусы, не какая-нибудь секта и фанатики, а целый народ, который исконно был православным народом христианским. Все наши храмы, уцелевшие от войны, как в городе, так и сельской местности закрыли без всякой причины и нашего согласия. Церковь у Дома Правительства закрыли и сразу же снесли. Вера в Бога – это не приказание человеку, ты верь или не верь. Вся пропаганда, направленная против Бога нам неинтересна, она проходит обманом, построена на лжи, клевете и склоках. Белорусский народ, выдвинутый в самостоятельную республику Советского Союза, лишается гражданских прав, веры и свободы ее. Пока мы не увидим Екатерининскую церковь открытой, мы будем ходатайствовать» [5]. В 1961 г. Н. Хрущеву написала письмо монахиня Евлампия: «Сейчас церкви закрывают и обращают в склады, такое постановление напоминает времена Нерона, который уничтожал церкви и преследовал христиан, а также и Наполеона, который ставил лошадей в церквях» [6].

В СДРПЦ поступало большое количество заявлений верующих о незаконном закрытии церквей без всяких причин, а также просьбы назначить в приходы священников, так как в течение нескольких месяцев в храмах не совершается богослужение [7]. Самое большое количество заявлений – 80 в 1955-58 гг. поступило из Гомельской области, поскольку в этой области имело место грубое нарушение законов, относящихся к Церкви со стороны местных органов власти: ликвидация деревянных крестов, находящихся в деревнях, слом церковного здания в деревне Поболово Рогачевского района и другие [8]. Во время обсуждения вопроса о закрытии церкви в Петрикове Гомельской области на профсоюзном собрании трудового коллектива кирпичного завода 10 апреля 1961 г. многие рабочие выступали с заявлениями, что церковь они не строили и закрывать ее не будут [9]. В

апреле 1961 г. группа верующих Гомеля (подписалось более 600 человек [10]) направила письмо Н. Хрущеву с просьбой «не ликвидировать насильственно» Гомельский собор. Прихожане собора писали: «Мы, общество верующих не можем примириться с неправильными действиями местной власти, извративших демократические права верующих. В Конституции СССР много говорится о свободе собраний, не запрещено верить в Бога. Но власти нарушают права верующих. Мы уважаем закон и приносим жалобу на извращающих его» [11].

После закрытия церкви в Сморгони в декабре 1962 г. был организован церковный комитет, который развернул активную деятельность по сбору жалоб и заявлений о возобновлении богослужений [12] Верующие обращались с жалобами в Министерство Внутренних дел СССР, к Генеральному прокурору СССР, председателю СДРПЦ. В частности, они писали: «Местные органы чинят препятствия к назначению священника в церковь, выискивают всякие способы, чтобы запугать и наказать более активных верующих. Обращаемся с просьбой восстановить права верующих, прекратить глумление над их религиозными чувствами и предоставить им в дальнейшем пользование храм согласно советским законам и договору» [13]. В итоге облисполком вынужден был разрешить дальнейшее функционирование прихода.

15 февраля 1966 г. жители деревни Паниква Каменецкого района Брестской области обратились с заявлением об открытии храма, снятого с регистрации в ноябре 1963 г. Под заявлением подписалось 407 человек. 190 подписей было под таким же заявлением верующих деревни Доропеевичи Малоритского района Брестской области. Верующие из деревни Велятичи Пинского района Брестской области направили заявления об открытии закрытой церкви на имя XXIII съезда КПСС, ЦК КПСС и Совета Министров СССР [14].

Верующие обращались в различные инстанции не ожидая, когда власти закроют храм. В 1960-х гг. власти намеревались закрыть церковь Александра Невского на Военном кладбище в Минске и разместить в ней мастерскую по изготовлению гробов. Однако при этом была допущена фальсификация исторических фактов: утверждалось, что храм до войны использовался как мастерская по изготовлению гробов и, следовательно, его надлежит вернуть похоронному ведомству. Это утверждение противоречило истине, поскольку после того как храм в 1937 г. был закрыт, он не открывался до вступления в город немецкой армии в 1941 г. С разоблачением лжи выступил настоятель храма протоиерей Виктор Бекаревич. Через редакцию Журнала Московской Патриархии [15] он сообщил правдивые сведения о храме и особо подчеркнул важность церковного и общественного значения церкви Александра Невского как храма-памятника. Убедительность

аргументов, изложенных отцом Виктором, побудила власти отказаться от своих намерений.

С просьбой сохранить Николаевский храм в Бресте, над которым нависла угроза закрытия, верующие обратились к главному редактору газеты «Известия»: «Наши просьбы, жалобы, протесты остаются без ответа и внимания. Тысячи верующих лишены возможности пользоваться, той свободой отправления своих религиозных нужд, которая гарантируется Конституцией. Мы не можем примириться с мыслью, что наш храм будет разрушен в то время, когда в соседней Польше и даже в Германии русские храмы чужими руками сохраняются и содержатся в прекрасном состоянии» [16].

В 1965 г. только по Гродненской области БССР поступило 64 заявления об открытии закрытых церквей (из Сморгони – 37 заявлений, из деревни Щорсы Новогрудского района – 12 заявлений) [17]. Поток подобных заявлений не иссякал и в последующий период. В 1982 г. к уполномоченному Совета по делам религий (СДР) по Гродненской области поступило 3 заявления об открытии, снятой с регистрации в 1962 г., церкви от верующих деревни Луки Кореличского района Гродненской области [18]. Всего в 1982 г. в СДР поступило 30 заявлений верующих из БССР об открытии ранее закрытых церквей. Заявления поступили из Брестской, Гродненской и Минской областей. На все заявления был дан отрицательный ответ [19]. В 1983 г. об открытии церквей поступило 24 заявления [20]. В 1983 г. верующие ходатайствовали об открытии 20 храмов в республике [21]. В 1984 г. только об открытии церкви в деревне Рамель Столинского района Брестской области поступило 11 заявлений [22].

Верующие также отстаивали свои храмы активно препятствуя, порой даже при помощи физической силы, их закрытию и сносу. В 1956 г. массовое выступление верующих в деревне Поболово Рогачевского района Гомельской области, организованное местным священником 1875 года рождения в защиту церкви не дало возможности вынести церковную утварь и освободить здание для организации избы-читальни (которая уже имелась через дорогу от церкви). Несмотря на неоднократные приезды в деревню председателя Рогачевского райисполкома, районного прокурора, прокурора области, секретаря РК КПБ, начальника управления КГБ, верующим удавалось отстоять здание церкви, неоднократно ходатайствуя о возврате церковного здания, в том числе и телеграммой на имя К. Ворошилова. 6 июня 1956 г. местные органы власти с ведома райисполкома и райкома партии без разрешения облисполкома разобрали здание церкви, несмотря на указание СДРПЦ, и руководящих республики органов о том, чтобы не будоражить верующих, не препятствовать пользоваться зданием церкви (которое верующие самовольно заняли в ночь с 14 на 15 апреля 1956 г.). При

этом представители местных органов власти избili несколько женщин, защищавших храм [23]. Ни один из колхозников, в том числе коммунисты и комсомольцы этого колхоза не принимали участия в сносе церкви. К делу были привлечены рабочие и студенты сельхозтехникума из другого района.

После закрытия церкви в Могилеве в апреле 1960 г. рабочий завода ПТО пытался организовать демонстрацию протеста, призывая верующих выйти на улицу, и писал письма в правительственные инстанции [24]. При закрытии молитвенного дома в деревне Глазовка Гомельской области в январе 1961 г. туда направились все руководящие работники. После того, как священник отказался от передачи церковного имущества. У молитвенного дома вскоре собралось 250 человек верующих. Когда священник объявил верующим о закрытии молитвенного дома, верующие стали кидать в представителей района комьями снега. После закрытия этого молитвенного дома верующие жители на протяжении нескольких месяцев направляли коллективные жалобы в разные инстанции: в ЦК КПБ, в ЦК КПСС и Н. Хрущеву, в которых говорилось: «В течение трех месяцев в Гомельской области, опровергая законы советской власти о свободе вероисповедания, районное начальство насильственным путем закрыло церкви в деревне Тереничи и Глазовке. Все эти действия вызвали у населения района вражду, недоверие и апатию к труду». В деревне Глазовка Гомельской области при закрытии храма между жителями деревни и милицией, завязался рукопашный бой [25].

Что касается действий по отстаиванию храмов непосредственно на местах, то активностью отличались верующие в Западной Беларуси. 22 марта 1961 г. председатель колхоза имени Калинина Пинского района сообщил в СДРПЦ, что известие о снятии с учета действующих Парахонской церкви вызвало в колхозе волнения сельчан: «Народ взбунтовался, куда ни придешь в деревню, окружают колхозники и только разговоров о церкви, придешь в контору – целая делегация ожидает. Учитывая сложившуюся обстановку, пришлось церковь оставить действующей» [26]. Вскоре после закрытия Доропеевичской церкви Малоритского района Брестской области верующими была предотвращена попытка ее сноса. Из Малориты приехала группа комсомольцев с заданием разобрать здание. Верующие дежурившие у храма при появлении комсомольцев создали людей. Между комсомольцами и верующими завязалась драка, в результате которой разрушители храмов вынуждены были бежать [27]. Подобная ситуация наблюдалась и в Ляховецкой церкви того же района. Этот храм неоднократно пытались поджечь (закладывали под здание ветошь, смоченную в бензине). Только самоотверженная защита прихожанами спасли храм от гибели. В Воложине Минской области несколько сотен жителей города препятствовали разрушению Вознесенского храма.

Очевидец этих событий свидетельствует: «Людей таскали за руки и наги по земле, награждая самыми жесткими пинками» [28]. Народное сопротивление закрытию храмов было оказано также в деревне Большая Лысица Минской области.

В период после завершения антирелигиозной кампании первой половины 1960-х гг. верующие продолжали отстаивать свои храмы. Например, в некоторых местах они самовольно занимали снятые с регистрации и пустовавшие здания храмов, приводили их в порядок и обращались с ходатайствами об открытии приходов и возобновлении богослужений.

Верующие в деревне Костыки Вилейского района Минской области в 1980–1981 гг. капитально отремонтировали неиспользуемую, закрытую в 1963 г. церковь и стали собираться в ней для молитвы [29], а в 1983 г. в Совет по делам религий (СДР) стали поступать обращения верующих об открытии их храма [30]. В те же годы в урочище Проща Корытнянского сельсовета Осиповичского района Могилевской области без разрешения властей была построена церковь. Инициатором строительства была жительница близлежащей деревни Ясень Анна Сидорович. Когда церковь вскоре снесли по поручению уполномоченного СДР, она в течение нескольких лет просто засыпала различные советские и партийные инстанции письмами с требованием восстановления разрушенного храма [31].

Массовое закрытие храмов стало вызывать неодобрение даже в некоторых государственных организациях и осуждение среди неверующих. 30.03.1964 г. в Государственный комитет СМ БССР по радиовещанию и телевидению обратился житель деревни Горбуны Миорского района с просьбой отдать письмо на суд слушателей радио: «Я неверующий. Но считаю, что местные власти незаконно закрыли церковь в нашей деревне. Легко закрыть здание, имея власть. Но не так уж просто законное решение строить на предпосылках, будто бы церкви грозит обвал» [32]. К концу 1964 г. массовая кампания по закрытию храмов прекратилась, хотя по инерции церкви продолжали закрывать до второй половины 70-х гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 72. – Л. 42.
2. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 33.
3. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 61. – Л. 381.
4. Канфесіі на Беларусі (к. 18-20 ст.). – Мінск : ВП “Экаперспектыва”, 1998. – С. 273.
5. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 59. – Л. 147.

6. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 52. – Л. 194.
7. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 59. – Л. 58.
8. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 4. – Д. 21. – Л. 17.
9. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 47. – Л. 277.
10. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 52. – Л. 175.
11. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 52. – Л. 166.
12. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 61. – Л. 323.
13. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 59. – Л. 294.
14. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 234.
15. Журнал Московской Патриархии. – 1968. – № 10. – С. 10.
16. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 52. – Л. 305.
17. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 2. – Д. 2. – Л. 125.
18. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 22.
19. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 83–84.
20. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 136.
21. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 34–36.
22. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 77. – Л. 132.
23. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 4. – Д. 1. – Л. 88.
24. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 4. – Д. 24. – Л. 26.
25. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 52. – Л. 39–47.
26. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 61. – Л. 196.
27. Лемачко, Р., диак. Историко–статистическое описание церквей и приходов Малоритского благочиния Брестской епархии. Дипломная работа. / Р. Лемачко. – Жировичи, 2000. – С. 79.
28. Шейкин, Г. Исповедники Христовы в Беларуси в период гонений на Церковь 1950–60-е годы / Г. Шейкин // Роля асобы ў жыцці хрысціянскіх цэркваў Беларусі ў XX стагоддзі. Зборнік артыкулаў. – Мінск, 2000. – С. 29.
29. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. Д. 65. – Л. 206.
30. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 34–36.
31. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 191.
32. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 47. Л. – 14.